

Политика и Общество*Правильная ссылка на статью:*

Дашибалова И.Н. Синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов» (на примере г. Улан-Удэ) // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72597
EDN: QIRTSU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72597

Синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов» (на примере г. Улан-Удэ)

Дашибалова Ирина Николаевна

кандидат философских наук

старший научный сотрудник; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, оф. 206

✉ dashibalonirina@gmail.com

[Статья из рубрики "НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0684.2024.4.72597

EDN:

QIRTSU

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2024

Аннотация: Предметом исследования являются механизмы синхронии проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов». Объект исследования – массовые формы традиционных и создаваемых городских праздников. Одной из форм является День города Улан-Удэ, традиция проведения которого сравнительно нова. Данный праздник имеет «следы» ушедшей эпохи: демонстрации, посвящённые 1-е мая и 7-е ноября, юбилей вхождения республики в состав России, юбилей образования Бурятии. Помимо данного праздника, к городским ритуалам, имеющим явно советский послед можно отнести: выборы, школьные линейки, физкультурные праздники-соревнования, парады, открытие памятников и пр. Особое внимание уделено процессу формирования и трансляции «городских ритуалов» в сравнении с советскими аналогами на основе визуальных источников (документальные фильмы, фотографии). Метод исследования: дискурс-анализ, визуальный анализ киноисточников Иркутского облкинофонда, материалы региональных СМИ и фотодокументы сайтов Республики Бурятия. Применен понятийный аппарат К. Вульфа

перформативности ритуального действия применительно к современным политическим процессам. Основными выводами исследования является выявление генезиса городских практик, конституирования городского сообщества, которые не могут быть редуцированы только к перформативным аспектам ритуального действия городского праздника. Изучение современного постсоветского праздничного мероприятия оправдано отсылом к сложившимся устойчивым формам проведения данного ритуального действия в недавнем прошлом, в нём можно разглядеть истоки современных властных механизмов управления и специфику эмоционального менеджмента истории. Интерес к постсоветскому транзиту городских ритуалов в г. Улан-Удэ имеет не только теоретический характер, но состоит и в определении феномена городского массового праздника. Различные перформативные практики в виде празднеств, проводимые в г. Улан-Удэ, с политическим или этническим уклоном, находили своё воплощение, выводя на сцену проектировщиков события и городское сообщество. Конструирование события "День города", его подготовка и воплощение показывают его привлекательность для властных, коммерческих структур, и, в конечном счёте, для различных слоёв городского населения. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» №121031000243-5.

Ключевые слова:

городское праздничное пространство, изобретаемая традиция, визуальный дискурс, перформативное ритуальное действие, эмоциональный менеджмент истории, день города, кинодокументы, советские праздники, синхрония, позднесоветская культура

Введение

Изучение структуры советского праздничного мероприятия как ритуального действия перспективно для гуманитарного знания с точки зрения анализа универсального характера социального взаимодействия и конституирования городских практик. Необходимость реконструкции городских ритуалов позднесоветской культуры позволяет обнаружить общую культурную память с современными празднествами. Взаимопроникновение советской традиции празднеств и постсоветских изобретаемых традиций имеет актуальность для поколений, заставших период позднего социализма. В данной статье пойдет речь о синхронии визуального и идеологического дискурса советских и постсоветских торжественных презентаций, проводимых в г. Улан-Удэ. Исследовательский вопрос, обозначенный автором статьи, можно определить как раскрытие политических механизмов управления на примере городских праздничных мероприятий. Вместе с тем, несмотря на стандартизацию советских и российских праздничных процессов, сохранились региональные особенности проведения данных мероприятий. Таким образом, необходимо выделить амбивалентность и неоднозначность городского ритуала как средства культурного арсенала общегосударственного и местного управления.

Аспекты символической политики в регионах Российской Федерации

Использование символических ресурсов в администрировании регионами является широко утвердившейся управлеченческой и идеологической практикой. Многоуровневый характер трансляции символов, различные каналы верbalной и визуальной циркуляции символов определяют сущность символической политики [1, с. 66].

Методология исследования синхронии празднеств, проводимых в позднесоветский и современный периоды, опирается на ряд отечественных исследований, посвящённых региональным особенностям символической политики в РФ. Исследователи Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. изучили интенсивность политики памяти в российском политическом и социокультурном пространстве [2]. Справедливо отмечая семантическую нагруженность понятия "политики памяти" и множественность акторов в процессе реконструкции федеральных и региональных мест памяти, авторы определяют границы "воображаемой географии" и меняющуюся карту мест памяти в связи общегосударственным историко-культурным стандартом. Для нашей темы исследования продуктивна идея взаимодействия и мобилизации этнических сообществ к конструированию мест памяти.

Аникиным Д.А. замечено, что на месте лакун советского прошлого в настоящее время создаётся пространство образов мифического прошлого в российских регионах "в условиях конкуренции за туристическую и инвестиционную привлекательность" [3, с. 125]. Как подтверждают данные нашего исследования, не избежал указанного процесса и г. Улан-Удэ, артикулируя празднества, фестивали и городские праздники, опираясь на исторические даты и мифологемы.

Региональный маркер в конструировании символической политики активно институционализируется и масштабируется в Российской Федерации. Применение идентитарного подхода в изучении территориальной идентичности в аспекте ритуализации дано в работе Назукиной М. В., Старцевой А. С. на примере мегапроектов [4].

Теоретическая интерпретация советского опыта и область исследований *memory studies* также является базисной для данного исследования. В рамках статьи, обращаясь богатому багажу работ по советской политической культуре, мы ограничиваемся некоторыми, учитывая огромный пласт исследований. В частности, Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г., Моисеенко Я. Ю. обновили изучение коммерративных практик на примере визуализации и реконструкции объектов исторического прошлого [5].

Временные рамки, понятийный аппарат и методы исследования

Временной промежуток, анализируемый в статье берётся с 1970-х гг., периода закрепления советского идеологического фона государственных праздников до 1991 г., даты прекращения существования СССР в сравнении с современным периодом российской политической истории (1991-2015гг.).

Мы полагаем возможным применить понятийный аппарат немецкого антрополога Кристофа Вульфа, определившего перформативный характер ритуального действия применительно к современным политическим процессам [6, с. 144]. Изучая визуальные сообщения о массовых праздниках, проводимых в г. Улан-Удэ в 1970-1980-е гг. и 1990-2010-е гг., возможно выявить устойчивость и продолжительность городских ритуалов. Использован визуальный анализ документов, а также дискурс-анализ изданий СМИ. Источниками для реконструкции служат документы Иркутского облкинофонда, материалы региональных средств массовой информации, фотодокументы сайтов Республики Бурятия.

Методологический багаж работ по теории советского праздника достаточно широк. Дискуссии о феномене советского праздника развивали 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и др. [7, 8,

[9](#), [10](#), [11](#), [12](#), [13](#). В работе немецкого исследователя Рольфа М. «Советские массовые праздники» доказывается тезис о политической культуре массовых праздников и привитии идеологических стандартов населению. «Праздник был политикой, а советское праздничное действие — выражением специфической формы господства» [\[14, р. 7\]](#). Данное исследование главным образом акцентирует мысль о дисциплинирующей функции советских праздников как канала проведения государственной диктатуры. Рольфом проведен детальный исторический анализ утверждения советской праздничной культуры. В его работе нам показалась близкой идея укоренения советского праздника как фактора «массовой коммуникации людей, которая была шире узкого мира представителей партийно-государственных органов... Благодаря общению людей, стоявших на разных этажах общественной и властной иерархии, советский праздник из официального торжественного мероприятия превращался в живое культурное событие» [\[14, р. 10\]](#). С помощью праздников происходило формирование топографии городской среды, процесс, который Рольф М. назвал «колонизацией общественного пространства» [\[14, р. 271\]](#).

Необходимо отметить, что в антропологической науке есть семантическое разделение понятий «праздник» и «ритуал». С точки зрения оппозиции «частное-общее», объём понятия «праздник» уже и характеризуется противопоставлением будничной действительности. Ритуал имеет происхождение от религиозного контекста и его классическое описание воплощено в работах Э.Дюркгейма, Дж. Фрэзера, В.Тернера, К.Леви-Стросса, В.Топорова, К.Гирца и др. В настоящее время наметилась методологическая свобода в употреблении термина «ритуал» в описании современных социальных процессов, основное содержание которого состоит в сакрализации повседневной жизни, а не только строго регламентированных религиозных канонов. Черты ритуального процесса в повседневной жизни, повторяемость, театрализованность действия, представляющего собой как бы часть пьесы; «специально» выработанный стиль поведения (действия и символы используются в необычном для них значении, или используются необычные знаки или символы); упорядоченность; особое эмоционально-приподнятое состояние участников; обязательность социального значения ритуала, наличие некоторого передаваемого ритуалом социального сообщения. Таким образом, формой современного ритуала становятся школьная линейка, партийное собрание, семейное торжество и т.п.

Массовые праздники, такие как, Первое Мая, годовщина Октябрьской революции выполняли роль символического насыщения [\[15\]](#). Итак, употребление нами термина «праздник» используется не в смысле водораздела с повседневностью, а как формы ритуального действия, участники которого подвержены строгой регламентации процесса, они конституируют и репрезентируют своё сообщество при сохранении эмоционально-приподнятого фона. Феномен советского праздника имел гибридный характер взаимовлияния идеологических компонентов и элементов традиционной обрядности [\[16\]](#).

Анализу советской повседневности в контексте праздника подвергает в своих исследованиях Саблин К. С., изучая укоренённость советской модели поведения и использование ресурса социальной памяти Российской властью в нынешних условиях [\[17\]](#). Одной из форм, в которой используется инсценирование советской традиции массовых государственных праздников, является репрезентация современной версии Дня Победы [\[18\]](#).

Продуктивным понятием в анализе феномена советского праздника в городском

пространстве является, на наш взгляд, термин британского учёного Эрика Хобсбаума - «изобретение традиции». «Изобретённая традиция» - это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью её является внедрение определённых ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [19, с. 48]. Так как культурные практики празднования новых, но в чём-то вполне традиционных праздников (от Дня ВДВ до Дня молока) становятся всё более популярными формами ритуальных действ в российских городах, возникает потребность сравнительного описания структуры современного праздника.

Одним из исследовательских инструментов, который возможно использовать в анализе практик городских мероприятий является визуальный анализ ввиду насыщенной презентации событий, регулярного медиасопровождения государственных праздников (кино-телесямка, фотопортажи). Также методологическим средством описания структуры праздника является дискурс-анализ.

"Городские ритуалы". Советские сценарии

Советское прошлое, казалось бы, канувшее со всеми его идеологическими постулатами тридцать три года назад, в публичных формах позиционирования городской власти и, в особенности, в проведении массовых действ, сохраняет свой механизм функционирования. Такими повторяющимися формами, которые получили свой законченный сценарий в 1960-1980-е гг., являются торжественные собрания, вручение аттестатов на главной площади города, митинги, День Победы, День защиты детей и многие другие государственные и городские массовые праздники. Имеет смысл сопоставить, выявить различия и синхронию проектирования и проведения городских ритуалов.

Окончательный ритуальный канон проведения государственных советских праздников установился в 1970-е гг. Проектированием праздничного события в период «развитого социализма» выступали ЦК КПСС, обком и горком КПСС, обком ВЛКСМ и нижестоящие им организации. В преддверии государственного праздника включались лозунговые технологии, выпускались призывы ЦК КПСС, например, к 1 мая. Содержание ритуальных идиом повторялось десятилетиями и в них фигурировали прославление Коммунистической партии, зов к росту производительности производства: «Слава передовикам и новаторам производства!», «Трудящиеся Советского Союза теснее сплачивайтесь под знаменем Коммунистической партии!» и т.п. В зависимости от текущей международной ситуации вводились политические, эмоционально окрашенные выражения, например: «Руки прочь от Вьетнама!», «Горячий привет народам колониальных стран!». Институт празднования имел установленный жёсткий кодекс. Накануне праздничного мероприятия в газетах публиковалась детализированная последовательность предстоящего действия.

Приведём пример циркуляра, который устанавливал порядок управления потоком масс в плане проведения демонстрации, посвященной 66-й годовщине Октябрьской революции, вышедшей в газете «Правда Бурятии» от 4 ноября 1983 г. Памятка содержала тайминг мероприятия (дата, начало демонстрации), место проведения – центральная площадь Советов. В ней формировался порядок сбора участников по коллективам, устанавливались правила построения колонн в районах города, расписывались ответственные лица и движение от пунктов построения до площади: «Трудящиеся Железнодорожного района выстраиваются по проспекту 50-летия Октября и ул. Октябрьской – руководитель колонны В.К.Кукшинов» [План демонстрации трудящихся г.

Улан-Удэ 7 ноября 1983 года // Правда Бурятии. 1983. 4 ноября]. В памятке указывалось регулирование транспортного направления и пропускной режим для депутатов, членов бюро обкома КПСС и горкома КПСС, исполнкома Улан-Удэнского горсовета народных депутатов. Организация общественного порядка возлагалась на МВД БурАССР. Мнемонизация подобных циркуляров и системе управления массами синхронна в современной всероссийской акции «Бессмертный полк», посвященной 9 мая.

Хореография массового мероприятия происходила по утвержденному сценарию, в котором на центральную площадь сначала выходили школьники, затем студенты, спортсмены, рабочие и интеллигенция. Визуализация советской политики выражалась в обилии кумачовых флагов, портретов вождей пролетариата и транспарантов наглядной агитации. Публичные инсценировки в зависимости от актуального контекста проявлялись в костюмированных шествиях детей, одетых «космонавтами», «будённовцами», «красными следопытами». Взрослые, как правило, нарядно одевались, представляя то или иное предприятие, выстраивались в колонны, изображающие символ данной организации.

По мнению Рольфа М., накануне и в течение праздничного дня у горожан, недавних жителей деревень, вырабатывалась городская идентичность, ввиду зрительных, слуховых, осязательных включений в действие городского топоса. «Отрабатывались модели коммуникации, апробировалась тактика присвоения официальных установок, которые стали особенно актуальными, когда в процессе урбанизации послевоенного времени большинство людей превращалось в новых горожан» [14, р. 269]. Горожанину, необходимо было добраться от дома к проходной завода или фабрики, а затем в колонне идти по улицам города к его центру. И так повторялось из года в год. Из репортажа, посвящённого демонстрации 1 мая: «Центр города сегодня приветливо даёт пристанище тысячам нарядных людей. Идут на свой праздник рабочие и служащие Улан-Удэ... Людские ручейки сливаются на главной улице в мощную реку, чтобы на площади Советов продемонстрировать и свою силу и свои достижения в труде» [Гаученов В., Ковтун Н. Ликует столица Бурятии // Молодёжь Бурятии. 1968. 1 мая].

Описанный сюжет примечателен тем, что укоренившиеся советские праздники, а в особенности юбилейные даты (50-летие Октябрьской революции, 70-летие В.И.Ленина, 60-летие БурАССР и т.п.) служили внешним импульсом выполнения заявленных планов для предприятий, сдачи строительных объектов в городе (жилые дома, образовательные учреждения, кинотеатры), введения транспортных узлов. Поэтому праздник всегда указывал на видимые изменения, произошедшие в Улан-Удэ, подчёркивая трансформацию городского ландшафта во «всеобщем ликовании». На фотографиях, которые можно найти в любом любительском фотоальбоме 1980-х гг. запечатлены ноябрьская демонстрация на центральной улице. Здесь характерно отражены три компонента городской праздничной культуры: фреймы взаимодействия горожан в симметричном шествии и соответствующая им телесность (тесные ряды колонн, меховые головные уборы как признак статусной одежды), декорирование процесии (воздушные шары, флаги) и строящийся объект первой многоэтажной гостиницы в центре города (сдача, которой ожидалась к очередной праздничной дате) (рис.2).

Городская топография в контексте советского и постсоветского праздника явно прослеживается в трансформации площади Советов г. Улан-Удэ, которая первоначально являлась сквером, вокруг которого в праздничные даты шествовали колонны. С 1970 г. площадь была освобождена от деревьев и полностью образовывала пространство для

участников парадов и митингов. В реформенные годы она была местом митингов протестующих. В последнее время площадь Советов становится и игровым пространством (новогодние детские городки), и концертной площадкой для муниципальных фестивалей, и местом проведения молодёжных акций (флэш-мобов, сборов)

Этнический компонент и гибридизация советского праздника в регионе

Игровая сторона ритуального действия в форме советского массового праздника на местной почве воплотилась в празднике Сурхарбан. Гибридный характер данного праздника проявился в том, что традиционные летние игры бурят были превращены в физкультурный праздник с обязательным приветственным парадом участников. На стадионе имени 25-летия Октября, а с 1970 г. на городском ипподроме ежегодно в начале июля горожане собирались для просмотра спортивного зрелища. Обращают на себя внимание сходные элементы построения людей в колонны, украшенные транспарантами автомобили, флаги в руках участников, портрет В.Ленина, лозунги и плакаты по аналогичному сценарию проведения шествий, посвящённых годовщине Октябрьской революции и Первомаю. Пространственная перспектива охватывает многотысячную аудиторию зрителей-болельщиков, подчёркивая действительную массовость, а мизансцены, вытекающие из спортивного городского праздника, демонстрируют приватность общения родителей с детьми и различные возрастные страты празднующих.

Постсоветскую традицию проводить День города можно вести с 1991 г., сначала в центральных городах Российской Федерации, затем в регионах. Именно тогда, бывшие советские города, выступавшие ранее единым объектом социокультурной политики, пытались найти «своё лицо» и выделить самобытные идентификационные характеристики городской среды. Улан-Удэ начинает позиционировать себя как поликультурный центр. Интегрирующим ресурсом, используемым местной властью, становятся культуры народов Бурятии: бурят, семейских, эвенков, казаков.

Рассмотрим на примере первого Дня города, прошедшего в 1991 г. Внимание к историческому центру, обозначенное датой 325-летия основания г. Улан-Удэ, актуализировало тему строительства казаками Удинского острога в 1666г. По мнению Э. Хобсбаума «специфика «изобретённых» традиций заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивная» [\[19, с. 48\]](#).

Визуальный анализ кинодокумента

Кинодокументалисты Восточно-Сибирской студии кинохроники зафиксировали юбилей г. Улан-Удэ, который отмечался в 1991 г. [киножурнал «Восточная Сибирь», 1991, выпуск №24, сюжет 1 «Юбилей города»]. Если выбор этностиля в начале 1990-х гг. был оправдан «парадом суверенитетом» и как комментирует кинохронику автор сценарного плана: «после беспамятных застойных лет возрождаются народные обычаи и обряды», то использование колониальной темы – основание Удинского острога на месте священного обово Удын Атаг вызывает по сей день активные споры у учёных, краеведов и общественников.

Как свидетельствует кинохроника, конструирование основания города казаками в 1991 г. было закреплено символическими знаками – был установлен православный крест и заложен камень с надписью: «На этом месте будет сооружен мемориал в честь основания города. Камень установлен в год 325-летия Улан-Удэ-Верхнеудинска 06.07.1991», «пока по традиции здесь открывается памятный камень до лучших времён». На стадионе имени 25-летия Октября был инсценирован острог, артисты, одетые в

казачью форму палили из пушки, причём данная сцена предваряла приуроченный ко Дню города Сурхарбан: «Главное праздничное действие развернулось на стадионе, здесь и обряды национальные вспомнили и спортивные состязания провели и называется всё это одним словом Сурхарбан». По центральной улице Ленина шла процессия масок из буддийской мистерии Цам. «Есть надежда придать городу недостающий национальный колорит», полагает автор сюжета.

Несовместимые ни визуально, ни социокультурно событийные ряды преподносились на Дне города как «возрождение традиций», хотя понятно, что роли казаков и масок исполняли артисты самодеятельных ансамблей института культуры. В дождливый день 6 июля 1991 г. на Батарейной горе собирались горожане на митинг, перед началом которого выступал казачий ансамбль. Местная власть в лице членов Правительства, Верховного Совета, исполнкома присутствовала на закладке камня, тем самым легитимизируя вопрос основания города в XVII веке и ритуал преемственности официальной версии городской истории в новейший период.

В данном сюжете, кроме того, обозначена тема удовлетворения народом «хлеба и зрелиц» в разгар праздничных мероприятий, поскольку праздник – это ещё и насыщение потребительских интересов. В частности, камера внимательно панорамирует торговый рынок, существовавший на площади Революции в начале 1990-х гг.: «И взлёты и падения переживал город за свою историю. На старом гербе Верхнеудинска был изображён жезл Меркурия и рог изобилия, что означало – в городе происходит знатный торг. Сегодня с этим поскромнее. Но в праздник на прилавке всё-таки кое-что было и улан-удэнцы остались довольны». Фиксируются торговые палатки, большое скопление народа, очереди за продуктами, рекламная растяжка: «Спасибо за покупку!». Заканчивает сюжет о юбилее города, как и сам День, праздничный фейерверк.

Таким образом, постперестроечный контекст комментария ко Дню города, проводимого в 1991 г., очевиден. Но в кинохронике, несмотря, определённые клише того времени, прослеживается, что важно, установление и изобретение традиции Дня города 2000-х гг. Так, в частности, по сей день используется инструментальный потенциал позиционирования города как поликультурного центра и утверждение вектора мероприятий к «героическому прошлому». Зафиксированный на киноплёнке ритуал послужил визуальной модификацией истории основания Улан-Удэ и последующим стандартом проведения праздника Дня города. Упорядочивающий эффект достигается не с помощью традиционного выстраивания канонического нарратива (в данном случае – нормативной версии истории), но при помощи эмоциональной кодификации событий, вещей и/или символов прошлого) [\[20\]](#).

В 2010-е гг. подготовка и проведение городских мероприятий, посвящённых праздникам, проходит по близкому позднесоветским праздникам сценарию. Проектировщиком события выступает Администрация г. Улан-Удэ, муниципальные организации. Легко обнаружить сходный контекст использования юбилейной даты в пропагандистском дискурсе плана мероприятий и освещения его в прессе. В отсутствии новейшей сильной идеологической платформы происходит активация использованных риторических приёмов, озвученных в своё время в 1970-1980-е гг. Данное формальное сходство опирается на привлечение аналогичных административных ресурсов, но, прежде всего, на мнемонизацию публичных зрелиц, в которых сочетались массовость и декорация городского пространства. Подобную хронологическую сшивку можно обозначить как монтаж истории, без учета логики совместимости событий [\[21\]](#).

День города в течение 1990-2010-х гг. менял свою дату проведения, что было связано с текущей управленческой политикой Администрации города. Он отмечался летом, приурочивался к концу учебного года и к празднику Сурхарбан. В проведении Дня города происходили вариации в зависимости от бюджета и действующих лиц. В частности, в 2000-х гг., в Улан-Удэ открывали памятники в скверах, на транспортных развязках ко Дню города. Несмотря на все изменения, реализация праздничных мероприятий сохраняется, с каждым годом утверждая и расширяя церемониал.

Как ритуал ежегодного перехода День города показывает публичность и определённую отчётность органов местной исполнительной и законодательной власти в лице Администрации г. Улан-Удэ, Городского Совета депутатов перед жителями города. Репрезентация городского сообщества конституируется в лице формальных молодёжных объединений, общественных организаций, Городского Совета ветеранов, национально-культурных центров, территориального общественного самоуправления (ТОС), которые включены в подготовку и проведение мероприятий. Например, не первый год ко Дню города приурочиваются хозяйственно-бытовые акты, вместе с тем изменяющие на локальном уровне городскую среду — конкурсы на лучший двор среди управляемых организаций, открытие детской игровой площадки, открытие сквера. В инсценированное действие активно включаются представители подструктур городской власти (комитетов), учреждения культуры, спорта, здравоохранения [\[17\]](#).

Автопрезентация городской власти, интегрирующей связь с населением города, выступает в формате митингов, торжественных собраний, награждения победителей конкурсов, открытия выставок, поздравления новорожденных, родившихся в День города. Позиционирование поликультурности, синтез уличного и классического искусства, демонстрация спортивных достижений, пропаганда здорового образа жизни выражаются в соответствующем репертуаре. Так, в 2015 г. в ритуальные эпизоды были введены инклюзивный турнир по настольным играм, турнир по национальной борьбе, фестиваль скандинавской ходьбы, соревнования на турниках. Праздник имеет различные локации от центра к периферии, от главной площади Советов до отдалённых микрорайонов, используя уличное, площадное, парковое пространство.

День города выражает публичное зрелище, в котором дети — участники творческих коллективов, спортсмены, состязающиеся в турнирах, члены делегаций из городов-побратимов, представители духовенства, презентующие открытие храма, эстрадные артисты, приглашённые на праздник объединяются в символической точке сборки — «Улан-Удэ — мой светлый солнечный город» (одна из метафор, использованная в медиаконтексте праздника).

Таким образом, День города Улан-Удэ не являясь официальным «красным» днём в календаре праздничных дат, а обычным выходным выполняет сходные с позднесоветскими праздниками функции формирования символического сообщества.

Частная жизнь жителя современного города всё более атомизируется. Частная жизнь жителя современного города всё более атомизируется. В подтверждении данного тезиса приведём результаты эмпирического социологического исследования, проведённого ИМБТ СО РАН в 2019 г. В большей мере люди рассчитывают решать собственные насущные проблемы самостоятельно, всего по общей выборке — 75,6% населения РБ. По подвыборкам: русские — 76,7%, буряты — 74,8%, другие национальности — 62,8% [\[23, с.140\]](#).

Фиксацию атомизации горожанина осуществили пермские социологи, определив перенос

частных практик в публичную сферу на примере огородных форм в городском пространстве, "окукиливание" социальной жизни в пределах домашних хозяйств как экономическую и социокультурную стратегию [\[24\]](#).

Горожане не участвуют более в обязательном порядке, массово в ритуальном действии, часть из них занимается обычными домашними делами, часть выезжает на природу, те, кто не планировал попасть на событие, могли оказаться на праздничных площадях случайно в роли зрителей. Но конкурсанты, участники мероприятий выступают представителями всех улан-удэнцев и обрамляющий торжество вечерний фейерверк закрепляет эмоциональный фон празднующего городского сообщества. «Независимо от того, что думают о своих действиях отдельные участники ритуала важен успех его исполнения...Они производят полноту символических значений, благодаря которой возникают культурные взаимосвязи, выходящие за границы чистого представления и повышающие комплексность социального события» [\[6, с. 152\]](#).

Каждый год День города условно проводит разделительную линию между прошлым и будущим, фиксируя устремление к «круглой дате», в 2024 г. исполнилось 358-летие города. В медиадискурсе, названиях выставок подчёркивается исторический контекст: «Улан-Удэ в панораме трёх веков», «350 достопримечательностей Улан-Удэ», «Верхнеудинская ярмарка», «От Верхнеудинска до Улан-Удэ». Сконструированное ритуальное действие городского праздника тем самым устанавливает естественность различия между до и после, между тем, что было когда-то давно, что было вчера и что есть сегодня.

Региональная идентичность горожан на примере конструирования Дня древнего города

Использование эмоциональных "скреп" опирается проектировщиками Дня города не только на использование советских символов достижительных установок, но и на конструируемую «древнюю историю». Рассмотрим на примере проекта «День древнего города» в рамках ежегодного Фестиваля гуннской культуры, проводимого с 2011г. Данный сюжет был инициирован Фондом возрождения исторического наследия «Гуннский фонд» при поддержке Администрации города и Правительства РБ. Описываемый праздник, имеющий контекст гуннского периода истории Бурятии и наличие археологического памятника – Иволгинское городище близ Улан-Удэ, дало обоснование инициаторам считать город древнейшим в России. Со стороны Администрации г. Улан-Удэ событие имеет функцию туристического, инвестиционного проекта [\[17\]](#).

К празднику приурочивают этнофестиваль народов Бурятии «Караван дружбы», фестиваль декоративно-прикладного искусства «Город дарханов», выступления клубов исторической реконструкции, городское ралли «Дорогами империи Хунну», соревнования по национальной борьбе, стрельбе из лука и скачки, показ коллекций дизайнерской одежды, ярмарку ремёсел. Проводимый городской ритуал размещается на различных площадках, как в самом г. Улан-Удэ, так и в пригороде, тем самым обозначая анимированное и желаемое расширение границ пространства Улан-Удэ: Этнографический музей, Иволгинский археологический комплекс (16 км от Улан-Удэ), гора Тобхор (Иволгинский район Республики Бурятия). Поскольку событие является визуально ярким, с костюмированным представлением и активным использованием игрового начала в виде спортивных состязаний, привлечением сенсорных манков (постановка оперы Д.Верди «Аттила» под открытым небом, запахи национальной кухни,

приготовленной на костре, прогулки в лесопарковой зоне, возможность облачиться в средневековый костюм и т.д.), у горожан «гуннское» ритуальное действие находит отклик и они включаются в данный перформанс. Содержание дискурса об Улан-Удэ в этом сюжете подаётся как «древняя столица гуннов», «самый древний город России», «первый город империи хунну», «северная столица гуннов», «древнейший город мира», «форпост гуннской цивилизации».

В событии можно обнаружить аккумуляцию энергий как властных структур, так и общественных организаций. Городская власть использует культурный потенциал с целью расширения административных границ, включив территорию Иволгинского городища. Исторический ресурс (исследования археологов, экспертиза специалистов музеяного дела) привлекается для попытки увеличить возраст Улан-Удэ на две тысячи триста лет. Парадокс заключается в том, что обращение к историческому наследию имеет только парадный характер, в повседневной реальности территории археологического комплекса находится в заброшенном состоянии.

Анализ содержания риторики ритуальных идиом 1980-х гг. и современного праздничного дискурса вскрывает аналогичные приёмы идеологического освещения советских демонстраций, сурхарбана и современного Дня города, хотя данные события по смыслу различны (табл.1).

Таблица 1

«Преемственный характер идеологического дискурса городских ритуалов
позднесоветского

и постсоветского периодов в г. Улан-Удэ»

Риторические приёмы	1980-е	2010-е
Идиома достижительности	«мы отмечаем то лучшее, что <u>добились</u> к этому времени»	«наши флагманы <u>производства доказали</u> миру, стране и республике, чем мы можем сегодня гордиться»
Идиома направленности на («светлое») будущее время	« <u>к новым успехам</u> , орденоносная!»	«все вместе мы <u>сможем</u> Улан-Удэ процветающим городом России»
Констатация привлекательности города	«от наших стараний <u>хорошо</u> ется жизнь, город, республика»	«Улан-Удэ с каждым годом становится ярче и <u>комфортабельней</u> »
Описание массовости праздника	«и вот в столице <u>полноводно</u> сурхарбан <u>разлился</u> зреющим красоты, бодрости и здоровья»	«и, разумеется, что присуще всем временам - <u>масштабные</u> народные гуляния»
Идиома направленности на («героическое») прошлое время	«оживаю <u>т страницы истории</u> родины Октября»	«этот город с <u>уникальной и древней историей</u> »
Акцент на	« <u>палость</u> только тогда	«мы все как <u>одна семья</u> »

... поликультурность	... бывает полной, когда она положена на сотни и тысячи сердец, когда она <u>всенонародна»</u>	... чествуем именниника – столицу Республики Бурятия»
-------------------------	---	--

(по материалам репортажей газет «Правда Бурятии», «Молодёжь Бурятии», «Бурятия»)

На основе визуальных сообщений можно проследить сходные компоненты социальной интеракции устроителей празднеств и населения в позднесоветский и постсоветский периоды. Как указывал Гофман И., «социальные отношения предполагают постоянную диалектику ритуалов преподнесения и ритуалов избегания» [22, с. 97]. Такими практиками являются ритуалы избегания и преподнесения акторов – проектировщиков праздников в формате нахождения на трибунах, у микрофонов, речей руководителей, перерезания ленточки на открытии нового градостроительного объекта. Со стороны реципиентов праздника – жителей города позиционируются знаки почитания, благодарения, выражющиеся в приветствии флагами, шарами, хоровых исполнениях гимнов, концертных номерах.

Значительные временные расхождения в городской праздничной культуре Улан-Удэ периодов 1970-1980-х гг. и 1991-2010-х гг., главным образом, воспроизводят идеологический/постидеологический характер торжеств [26]. Современные праздники, отражая постмодернистское и атомизированное состояние социума, прежде всего, носят региональный аспект, они коммерциализированы, для населения имеют потребительскую функцию, событие имеет повод, но не всегда смысл. В них выделяется маркетинговая составляющая, подключающая профессиональные творческие силы. Нынешние городские мероприятия более театрализованы, синкретизируют этнический и религиозный компоненты (Сагаалган, Масленица, Троица). Как и прежде, власть апеллирует к центру в надежде на дополнительное федеральное финансирование к юбилейным датам [17].

В анализируемых позднесоветских и постсоветских артефактных событиях выявляются, вместе с тем, общие элементы, такие как структурирование городского хронотопа (годовой цикл от даты к дате), презентация и легитимация власти, использование значительных финансовых ресурсов, самоорганизация городских сообществ, этническое лицо праздника как символическая игра и симулякр реальности в презентации городского праздника [27].

Заключение

Безусловно, вопрос генезиса городских практик, конституирования городского сообщества не может быть редуцирован только к перформативным аспектам ритуального действия городского праздника. Система проведения подобных мероприятий сложилась и базируется на постоянных компонентах: перформанс сюжета из истории Бурятии, награждения, выступления профессиональных и самодеятельных фольклорных коллективов артистов, торговые ярмарки. Местная власть в лице Администрации города опирается на производство символов, которые фокусируют публичность городского сообщества, стимулируя коммуникацию и представление авторитета. Инструментальный и креативный потенциал праздников используется местной властью для привлечения инвестиций, в том числе федерального уровня. Развлекательно-потребительский характер городской праздничной культуры востребован для бизнес-сообществ и молодёжи.

Праздник обладает мощным инструментом мобилизации и выступает интегрирующим ресурсом. Вместе с тем, изучение современного постсоветского праздничного мероприятия оправдано отсылом к сложившимся устойчивым формам проведения данного ритуального действия в недавнем прошлом, в нём можно разглядеть истоки современных властных механизмов управления и специфику эмоционального менеджмента истории. Интерес к постсоветскому транзиту городских ритуалов в г. Улан-Удэ имеет не только теоретический характер, но состоит и в определении феномена городского массового праздника. Различные перformatивные практики в виде празднеств, проводимые в г. Улан-Удэ, с политическим или этническим уклоном, находили своё воплощение, выводя на сцену проектировщиков события и городское сообщество. Конструирование события День города, его подготовка и воплощение показывают его привлекательность для властных, коммерческих структур, и, в конечном счёте, для различных слоёв городского населения.

Библиография

1. Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 112–136. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136
2. Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Logos et Praxis. 2012. № 3. С. 126-131.
3. Тульчинский Г. Л. Нarrация в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика. 2016. № 4. С. 65-83.
4. Назукина М. В., Старцева А. С. Мегапроекты как инструмент политики идентичности в регионах России (на примере универсиад в Казани и Красноярске) //Ars Administrandi. 2023. Т. 15. № 1. С. 84-102.
5. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г., Моисеенко Я. Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов //Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 154-171.
6. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перformatивность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
7. Петров Н. В. Не только историческая память: споры о прошлом, настоящем и будущем // Фольклор и антропология города. 2024. Т. 6. № 1-2. С. 7-12.
8. Баранова Е. В., Орлова В. Д. «Гуляй смело»: советские праздники и ритуалы. Жизненные стратегии калининградцев // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство. 2022. С. 289-295.
9. Барышева Е. В. Публика и зрители советских праздников 1920–1930-х гг // История и архивы. 2023. № 3. С. 56-70.
10. Разлогов К. Э., Кочеляева Н. А. Новые памятные даты и праздники как способ конструирования новой идентичности на советском экране // Советское кино как эстетический и социокультурный феномен в международном контексте. 2022. С. 29-40.
11. Астахова И. С. Массовые праздники в повседневной жизни населения городских поселений арктической Якутии 1950–1980-е гг.(на материалах Верхоянского района Республики Саха (Якутия)) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 285-291.
12. Паниотова Т. С., Романенко М. А. Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 2. 2022. С. 577-592.
13. Красильникова Е. И., Наумов С. С. Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904–2016 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 81-88.

14. Rolf M. Soviet mass festivals, 1917–1991. University of Pittsburgh Pre, 2013.
15. Иллерицкая Н. В. Мифы и ритуалы романтического периода советской истории: о монографии Е.В. Барышевой «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 4-2. С. 303-310.
16. Ломакин А. В. «Конструируя праздник»: ленинградские власти и организация праздничных мероприятий (1956—1957 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 2 (47). С. 100-105.
17. Саблин К. С., Валиева О. В. Креативные индустрии в современной экономике: определение, подходы к измерению // Вопросы теоретической экономики. 2024. Т. 24. № 3. С. 31-49.
18. Kolesnik M. A. et al. The Art of Decorating Mass Soviet Holidays (1918–1923) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2023. Т.16. No 11. Pp. 1918-1935.
19. Хобсбаум Э. Изобретение традиции. Пер. с англ. Панарина С. // Вестник Евразии. 2000. Вып. 8-11. С. 48-62.
20. Baiburin A., Piir A. When we were happy: remembering soviet holidays // Petrified Utopia: Happiness Soviet Style. 2009. Pp. 161-185.
21. Sadomskaya N., Dragadze T. Soviet Anthropology and Contemporary Rituals [with Discussion] // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1990. Pp. 245-255.
22. Гофман И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
23. Дашибалова И. Н. Представления этнических групп Бурятии о социальной нестабильности // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 134-143. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.17
24. Шушкова Н. В., Лейбович О. Л., Кабацков А. Н. Большой город в постсоветском пространстве //Мир России. Социология. Этнология. – 2004. – Т. 13. – № 1. – С. 91-105.
25. Švet A. Staging the Transnistrian identity within the heritage of Soviet holidays // History and Anthropology. 2013. Т. 24. No 1. Pp. 98-116.
26. Zelče V. The Transformation of 'Holiday' in Post-Soviet Space: Celebrating Soviet Victory Day in Latvia // Europe-Asia Studies. 2018. Т. 70. No 3. Pp. 388-420.
27. Kelly C., Sirotinina S. 'I didn't understand, but it was funny': Late Soviet festivals and their impact on children 1 // Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism. Routledge, 2012. Pp. 103-129.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная для публикации в журнале «Политика и Общество» статья представляет собой глубокое исследование, посвященное анализу советских государственных праздников и их эволюции в контексте современных городских ритуалов на примере Улан-Удэ. Автор демонстрирует широкий спектр методологических подходов и теоретических рамок, что придает работе значительную глубину и многогранность. Однако, несмотря на обширный анализ и богатую библиографию, статья страдает от ряда недостатков, которые ограничивают её влияние и убедительность.

В методологическом аспекте статья опирается на сильные методы, такие как визуальный анализ и дискурс-анализ, что позволяет глубже понять динамику праздничных мероприятий и их влияние на городскую культуру. Применение понятийного аппарата

антропологии и социологии, особенно идеи «изобретенной традиции» Эрика Хобсбаума, обогащает исследование и подчеркивает его актуальность.

С точки зрения исторической перспективы статья действительно охватывает значительный временной промежуток, начиная с 1970-х годов и заканчивая современными праздниками, что позволяет читателю увидеть эволюцию ритуалов и их связь с политической и социальной динамикой в стране. Углубленный анализ местных особенностей празднования в Улан-Удэ делает исследование особенно ценным для понимания региональных вариаций в проведении праздников, что часто упускается в более общих исследованиях. Вместе с тем, автор игнорирует ряд отечественных исследований, посвященных региональным аспектам символической политики в РФ, что свидетельствует о слабой проработанности степени научного задела искомой проблематики.

Несмотря на обилие исследовательского материала, статья страдает от недостатка логической структуры. Переходы между разделами и темами порой выглядят произвольно, что затрудняет восприятие материала. Четкое разделение на главы с подзаголовками могло бы улучшить навигацию по тексту, подразделы следует выделять полужирным шрифтом.

Также автор в основном сосредотачивается на описании и анализе ритуалов, но недостаточно акцентирует внимание на критическом осмыслении их влияния на общество и индивидуальное сознание. Например, как современные праздники могут отражать или противоречить исторической памяти и идентичности жителей Улан-Удэ?

К значимому недостатку предложенной публикации также можно отнести наличие крупных обобщений и недостаток эмпирических данных. Некоторые выводы, особенно касающиеся современного восприятия праздников, кажутся чрезмерно обобщенными. Например, утверждение о том, что «частная жизнь жителя современного города все более атомизируется», требует более детального анализа и подтверждения эмпирическими данными, сведениями социологических опросов и исследований.

Список литературы представлен 20 позициями, что недостаточно для столь глубокой идеологической проблематики, при этом многие из источников выглядят недостаточно проанализированными. Например, использование визуальных материалов могло бы быть более обоснованным и проиллюстрированным конкретными примерами.

Статья «Синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов» (на примере г. Улан-Удэ)» является важным вкладом в изучение городской культуры и ритуалов в постсоветском пространстве. Однако для достижения более убедительного и глубокого анализа автору следует улучшить структуру текста, углубить критическую рефлексию и предоставить больше эмпирических данных. Несмотря на эти недостатки, работа открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области культурной антропологии и социологии, ее следует качественно доработать и направить на рецензирование повторно.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Уже несколько десятилетий прошло с момента распада Советского Союза, а это значит, что сегодня активно идет по жизни поколение, которое не застало государства, занимавшее пространство на 1/6 части суши. Уходят в прошлое многие элементы повседневной жизни советского человека, на смену им приходит новая культура с

присущими ей чертами. Впрочем, и советская культура отличалась в разные временные периоды: так, в 1930-е гг. большую роль играл День памяти Парижской коммуны, почти забытый в 1960-1970-е гг. В этой связи вызывает интерес изучение праздничной культуры современной России, формировавшейся на базе позднесоветской.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является синхрония проведения советских государственных праздников и современных «городских ритуалов». Автор ставит своими задачами проанализировать символическую политику в регионах Российской Федерации, показать преемственный характер идеологического дискурса городских ритуалов позднесоветского и постсоветского периодов на примере г. Улан-Удэ. Хронологические рамки статьи охватывают «период с 1970-х гг., периода закрепления советского идеологического фона государственных праздников до 1991 г., даты прекращения существования СССР в сравнении с современным периодом российской политической истории (1991-2015гг.)».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать взаимопроникновение советской традиции празднеств и постсоветских изобретаемых традиций на примере г. Улан-Удэ.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 27 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных англоязычных материалов. Из используемых исследований отметим работы Н.В. Петрова, Э. Хобсбаума, К. Вульф, в центре внимания которых находятся вопросы исторической памяти, а также труды Д.А. Аникина, М. Рольфа, А.В. Ломакина, в центре внимания которых находятся различные аспекты праздничных мероприятий в советский и постсоветский периоды. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как праздничной культурой, в целом, так и трансформацией в нашей стране, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «советское прошлое, казалось бы, канувшее со всеми его идеологическими постулатами тридцать три года назад, в публичных формах позиционирования городской власти и, в особенности, в проведении массовых действ, сохраняет свой механизм функционирования» (торжественные собрания, вручение аттестатов на главной площади города, митинги, День Победы). В тоже время автор обращает внимание на то, что «современные праздники, отражая постмодернистское и атомизированное состояние социума, прежде всего, носят региональный аспект, они коммерциализированы, для населения имеют потребительскую функцию, событие имеет повод, но не всегда смысл». В работе показано, что «инструментальный и креативный потенциал праздников используется местной властью для привлечения инвестиций, в

том числе федерального уровня».

Главным выводом статьи является то, что «изучение современного постсоветского праздничного мероприятия оправдано отсылом к сложившимся устойчивым формам проведения данного ритуального действия в недавнем прошлом, в нём можно разглядеть истоки современных властных механизмов управления и специфику эмоционального менеджмента истории».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, снабжена таблицей, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках конструирования городского сообщества.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Политика и Общество».